

Ю. В. Стулов

ЭВОЛЮЦИЯ «НЕВОЛЬНИЧЬЕГО ПОВЕСТВОВАНИЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ ЧАРЛЬЗА ДЖОНСОНА

Афроамериканская литература давно перестала быть «черным гетто» американской литературы. Во многих отношениях она позволяет понять тенденции развития американской литературы, демонстрируя удивительное чувство времени и богатство литературных форм, которые, эволюционируя, ведут к дальнейшей гибридизации и синтезу жанровых образований. Творчество выдающегося афроамериканского писателя Чарльза Джонсона служит примером интересных и весьма плодотворных литературных экспериментов, ставших предметом многочисленных исследований в США и Европе, но, к сожалению, еще не получивших достаточного внимания в литературоведении стран СНГ.

Последние десятилетия в США отмечены резким всплеском литератур национальных, этнических и прочих меньшинств, которые вышли на авансцену литературного процесса под влиянием мощных общественно-политических движений, взорвавших страну в 1960–1970-е годы и резко изменивших американское общество. Как справедливо отмечает проф. Бонни ТуСмит, «пока жизнь имеет значение, ценной является и этническая литература, потому что этот корпус литературы блестяще фиксирует жизненный опыт и сложное мировоззрение столь разного с точки зрения культуры и расы народа, который известен как “американцы”» [1. Р. 5]¹.

На этом фоне особенно выделяются достижения афроамериканской литературы как одной из наиболее значительных ветвей американской литературы, имеющей более чем двухсотлетнюю историю. Об уровне популярности литературы черных американцев свидетельствует и статистика изданий книг афроамериканских авторов, значительно расширивших круг своих читателей, который еще пятьдесят лет назад состоял в основном из черных жителей Америки. Если в 1940-е годы только семь черных писателей США сумели опубликовать свои первые произведения, то за шесть лет — с 2000 по 2006 г. — американскими издательствами было опубликовано 200 наименований книг. Резко меняются и тиражи книг. Знаменитая сага А. Хейли «Корни» (*Roots: The Saga of an American Family*, 1976) только за первые два года была издана тиражом 8,5 миллиона экземпляров на 26 языках, а ее экранизация, показанная в лучшее эфирное время по телевидению, побила все рекорды популярности как у черной, так и белой аудитории. Появляются крупные издательства, специализирующиеся на выпуске книг авторов, представляющих меньшинства; возникают литературно-критические направления, ставящие своей целью исследование творчества этнических авторов (афроамериканская критика, «чикано» и т. д.); выходят учебники и сборники материалов, предназначенных для внедрения в учебный процесс в американских университетах литератур меньшинств (например, сборник «Преподавание американских этнических литератур» — *Teaching American Ethnic Literatures*, 1996 под ред. Джона Р. Мэйтино и Дэвида Р. Пека). Большую роль в продвижении произведений этнических авторов играет телевидение, в частности, самая популярная программа американского ТВ «Шоу

¹ Здесь и далее по тексту перевод наш. — Ю. С.

© Ю. В. Стулов, 2010

Опры Уинфри». Благодаря программе, в которой знаменитая американская телеведущая представляет наиболее значительные явления в мире политики, образования и культуры, в том числе и книги, наблюдается значительный рост продаж книг писателей, представляющих американские меньшинства. Достаточно отметить, что после передачи О. Уинфри о романе «Рай» Тони Моррисон, опубликованном после получения писательницей Нобелевской премии, продажи книги возросли сразу на 25%.

Чарльз Джонсон (род. в 1948 г.) принадлежит к среднему поколению современных афроамериканских авторов. Он выпускник Южно-Иллинойского университета, защитил докторскую диссертацию по философии. Работал в качестве журналиста, карикатуриста. В настоящее время помимо литературной деятельности занимается преподаванием, являясь профессором университета штата Вашингтон в Сиэтле, где ведет курс писательского мастерства. Он навсегда сохранил признательность своему литературному наставнику и университетскому профессору, известному американскому писателю Джону Гарднеру, который оказал серьезное воздействие на всю творческую карьеру Джонсона. Важной особенностью творчества писателя является попытка отразить в художественном произведении его философские воззрения, являющиеся симбиозом восточной и западной философий. Это достаточно четко проявилось уже в первом опубликованном им романе «Фэйт и нечто хорошее» («Faith and the Good Thing», 1974), написанном под влиянием Гарднера.

В юности Джонсон занялся восточными единоборствами, пробудившими в нем интерес к восточной философии: известно, что они имеют прочную мировоззренческую основу и сочетают в себе стремление добиться физического совершенства и развитие духовных качеств личности. Они опираются на идеи даосизма, буддизма и конфуцианства, подчеркивающих объединение сознания и вселенной, человека и земли, земли и неба, изменчивость субстанций, их взаимопротекание, когда отсутствует противопоставление субъекта и объекта, духа и материи и соответственно минимизируется возможность конфликтных ситуаций. Ориентированный же на соревновательность и противоборство западный мир не может не погружаться в хаос и беспорядок, что приводит к потере личностью ценностных ориентиров и росту агрессии в обществе. Становление Джонсона как творческой личности пришлось на 1960-е годы — переломный момент в развитии американского общества, когда оно оказалось расколотым в результате резкого обострения расовых противоречий, выразившихся в насилии и массовых волнениях в черных гетто американских городов. Противостояние, противоборство, поляризация взглядов белых и черных, нежелание выслушать другую сторону подчеркивались идеологами и белых расистов, и черных сепаратистов. Привлеченный идеями движения «черной эстетики», ставшего заметным явлением в интеллектуальной жизни черной общины США и провозгласившего лозунг «Черное — это прекрасно!», Джонсон, однако, вскоре убеждается в опасности радикальной платформы, построенной на разделении по цвету кожи и имевшей подчеркнута националистическую окраску, и переходит на другие позиции, отталкиваясь от постулатов восточной философии, проповедующей самоконтроль и настаивающей на взаимной ответственности людей в построении гармоничных отношений в обществе. Это вызвало негативную реакцию со стороны наиболее видных афроамериканских критиков, которая изменилась лишь в 1980–1990-е годах, когда Джонсон приобрел репутацию одного из наиболее значительных современных писателей-интеллектуалов США.

Тем не менее уже первые романы писателя вызвали серьезный интерес читающей публики, тем более что творчество молодого автора резко отличалось от произведений как его предшественников, так и современников. Он порывает с традициями «романа

протеста», ставшего своеобразной визитной карточкой афроамериканской литературы еще со времен Р. Райта, и отходит от принципов экзистенциального романа, который столь ярко проявился в творчестве Дж. Болдуина. В его книгах заметно стремление к преодолению дихотомий, барьеров, противоположностей, поиску «срединного» пути. Для Джонсона принципиально важны единство Бытия и интерсубъективность единого «жизненного мира», в то время как в мире, разделяемом по этническому, классовому, расовому, половому и иным признакам, жизнь — это постоянная борьба. Запад и Восток для него — не взаимоотталкивающиеся противоположности, а взаимодополнения, которые способствуют гармонизации мира в целом. Он задается вопросом, который станет определяющим для всего его творчества и преподавательской деятельности: «Разве не является вся человеческая история — результат усилий всех мужчин и женщин, Востока и Запада понять мир — нашим наследием?» [2. Р. xviii]. В своих произведениях писатель пытается соединить западное мировосприятие с его верой в разум, идеи дзен-буддизма, подчеркивающего общемировой естественный ритм событий, простоту и естественность жизни, взаимопереход противоположностей, и африканскую устную фольклорную традицию.

Опыты манипуляции с формой, к которым прибегает писатель с первых же романов, помогает ему создавать интересные многоуровневые гибридные художественные формы, которые с трудом поддаются четкому определению. В первую очередь он отталкивается от «невольничьих повествований», с которым связано само становление современного афроамериканского романа, уходящего корнями в традиции «невольничьего повествования»² и справедливо считающегося чисто афроамериканским литературным жанром. Зародившись в XVIII в., жанр «невольничьего повествования» особенно широко распространился в середине XIX в. в период усиления аболиционистских настроений в американском обществе и формирования самосознания черного населения США. По собственному признанию писателя, «одной из исконно негритянских форм литературы в нашей стране является невольничье повествование. И я захотел взять эту форму и проделать с ней нечто философское» [Цит. по: 4. Р. 2508].

Роман «Пастушье повествование» (другие названия: «Повествование волопаса», «Сказ волопаса» — *Oxherding Tale*, 1982) является примером «невольничьего повествования». Он генетически связан с наиболее известными произведениями данного жанра — «Повествованием о жизни Фредерика Дугласа, американского раба, написанного им самим» (1845), «Увлекательной повестью жизни Олауда Эквиано, или Густава Вазы, африканца» и «От рабства и вверх» Букера Т. Вашингтона (1901), что прямо констатирует сам автор [2. Р. xiv]. Они были написаны выдающимися негритянскими общественными деятелями и публицистами, которые оставили значительный след не только в борьбе за права выходцев из Африки, но и непосредственно в формировании жанра «невольничьего повествования». Джонсон также проштудировал десятки других повествований рабов, чтобы, по его признанию, «понять свойственную им структуру», обнаружив элементы этой формы в повествованиях пуритан, а еще ранее в «Исповеди» Августина Блаженного [2. Р. xiv].

У Августина человек по предопределению обречен на блаженство или проклятие, так как благодать нисходит лишь на того, кто предопределен к спасению. В его учении предопределению отводится особая роль в человеческой судьбе. Но при этом он подчеркивает важность свободного выбора человека, который по собственной воле выбирает

² В критической литературе также встречаются термины «автобиографии черных рабов», «негритянские автобиографии», «автобиографии черных невольников». В данной статье не ставится задача показать разницу в терминологии. Более подробно см.: [3].

добро или зло. Пуритане во многом отталкиваются от идей Августина. Их повествования изначально дихотомичны, что определяется спецификой пуританского мировоззрения, отражающего извечную борьбу темного и светлого начала, материального и духовного, земного и горнего. Ф. Дуглас во многом развивает пуританскую традицию. В его мировоззрении значение Провидения резко возрастает: из его «Повествования...» становится очевидно, что, хотя в становлении героя большое место отводится случаю, ведет человека Провидение — как Полярная звезда, показывающая путь к свободе. В книге Дугласа содержатся принципиальные моменты, характерные для жанра «невольничьего повествования» в целом: это будничное описание чудовищных условий жизни в рабстве, побег героя, его освобождение, превращение раба в человека, моральная победа угнетенного над угнетателями. Как верно замечает И. М. Удлер, автор первой отечественной монографии, посвященной данному жанру, «автобиографическая проза Ф. Дугласа — история невольника, проделывающего мучительный путь от рабства к свободе, внутренней и внешней, поиск и обретение своего “я”» [5. С. 169]. Именно это и станет отправной точкой для современных авторов, опирающихся в своем творчестве на традиции «невольничьего повествования». Рассказ Дугласа отмечен простотой изложения, исповедальной интонацией, библейскими аллюзиями, которые в целом свойственны всей афроамериканской литературе в силу особой роли Библии в формировании ментальности черных американцев.

А. В. Ващенко отмечает гибкость «невольничьего повествования», так как черный писатель, «используя традиции предшественников, <...> мог свободно сочетать исповедальность и документальность, публицистичность и бытовизм» [3. С. 934]. Букер Т. Вашингтон, представляющий следующее за Дугласом поколение афроамериканцев, выросшее после отмены рабства, меняет акценты. Особое внимание он уделяет истории жизненного успеха чернокожего американца, который, сознательно преодолевая все трудности на своем пути, добивается положения в обществе, сумев ценой огромных усилий и трудолюбия получить достойное образование и профессиональную подготовку. В его автобиографическом повествовании тема рабства отходит на задний план.

Джонсон живет в другую эпоху, когда под воздействием бурных событий 1960–1970-х годов происходит изменение общественных настроений и возрастание роли этнических меньшинств в жизни американского общества. Пересматривается сама концепция американской истории. В особой степени это затронуло историю афроамериканцев, присутствие которых в официальной историографии США было минимальным, а их вклад в развитие американской цивилизации попросту замалчивался. В результате сложилось искаженное представление об историческом процессе, где роль субъекта и агенса истории приписывалась белому мужчине англо-саксонского происхождения, в то время как этнические меньшинства оставались на периферии исторического процесса, а чудовищная несправедливость в отношении людей с другим цветом кожи тем или иным способом оправдывалась. Но в американском обществе именно раса стала разделительной чертой, определившей развитие общества на многие десятилетия, определяя взаимоотношения людей в американском обществе. Поэтому-то в последние десятилетия в деятельности историков, политиков, литераторов на передний план выходит задача пересмотра важнейших событий американской истории с точки зрения исторической правды. С первых десятилетий существования североамериканских колоний раса была «признанным маркером характера, мерой потенциала и определяющим фактором возможностей и привилегий» [6. Р. xii]. Роль афроамериканцев в формировании менталитета нации и ее культуры невозможно. Ведь «на более глубоком уровне размышления черных о состоянии человека в этой стране сентиментальных целей и ро-

мантических мечтаний добавили трагикомическую чувствительность в американский опыт» [7. Р. xv.]. Потому-то «невольничье повествование» под пером Джонсона приобретает новые качества.

Писатель создает современный тип «невольничьего повествования», в котором проблема рабства переосмысливается с позиций сегодняшнего дня. Рабство так или иначе отпечаталось в сознании и белых, и черных, и совершенно ясно, что, не осознав уроки трагического прошлого, невозможно двигаться в будущее. Сам феномен рабства помогает понять, как Америка стала такой, какая она есть, объясняя, почему расовая принадлежность является столь важным элементом национальной идентичности американцев. Новым в оценке истории пребывания африканцев на американской земле является то, что это не только история дегуманизации черных, их подчинения белому господину, выразившаяся в бесконечных страданиях и унижениях. Это еще и удивительный пример человеческой стойкости и мужества. Для Джонсона, как и других его коллег по перу (А. Пейта, Дж. Э. Уайдмена, А. Хейли, Эла Янга), эпоха рабства — это, с одной стороны, время нечеловеческих испытаний и унижений, а с другой — период созревания жизнестойкого духа черных американцев, позволившего им выжить в условиях чудовищной эксплуатации и насилия.

Джонсон мастерски пользуется гибкостью формы. В его книге параметры жанра существенно изменяются по сравнению с литературной традицией. Роман «Повествование волопаса» не просто переосмысливает каноны жанра, но и подвергает их сатирической трансформации, используя приемы постмодернистского романа. Он снимает с героя романтический ореол и нивелирует страдальческий пафос. Ключевыми моментами для него, как и для его предшественников, остаются мотив бегства из рабства, тема Провидения, хранящего беглеца и указывающего путь к свободе, утверждение идеала братства людей. Однако в данном случае мы сталкиваемся с трагедией ситуаций книги Дугласа. Если Дуглас проходит путь от неверия к вере, от невежества к знанию, то Эндрю Хокинс у Джонсона предстает неким «перевертышем», хотя и он в конце пути обретает знание, позволяющее ему отвергнуть дихотомии. В самом его происхождении заложены исключительность и типичность: как и многие дети, рожденные на плантации, он несет в себе белую и черную кровь. Но если обычно отцом на рабовладельческой плантации был белый хозяин, а матерью — черная рабыня, то здесь все наоборот, и именно мать, не желая каждый день видеть перед глазами плод своего греха, ненавидит ребенка, в то время как ее муж пытается загладить свою вину, дав мальчику приличное образование.

С детства мальчик постигает тонкости философии, усваивает принципы различных религиозных воззрений, встает перед проблемой выбора добра и зла, и вся книга — это путь самопознания Эндрю, в чем-то сходный со становлением Тома Джонса, познающего через собственный опыт мудрость мироздания. Автор играет с читателем: на принципы «невольничьего повествования» накладываются элементы и романа воспитания, и плутовского романа, и так называемого «романа о попытке скрыть свое происхождение» (*novel of passing*), популярного среди афроамериканских писателей. На передний план выходит процесс преодоления героем дуализма сознания, поиск срединного пути, который исключает противостояние, но включает все ценное из опыта белых и черных. Именно поэтому Джонсон заставляет Эндрю прожить жизнь и черного раба, и отстраивающего свой семейный очаг белого человека. Он выбирает путь между двумя мирами, по-настоящему не принадлежа ни к одному из них. Любопытно, как западные философские теории сталкиваются в сознании героя с философией дзен-буддизма, заставляя его размышлять о бесконечности Вселенной, жизни и смер-

ти, которая не является конечной точкой в Бытии, о греховности человеческой природы и необходимости самоотречения в поисках дороги к «просветлению», позволяющему увидеть сущность вещей. Способность раствориться в других людях, умение пожертвовать собой ради другого, преодоление эгоизма заставляют Эндрю отбросить удобные, но опасные антиномии, когда все делится на свое и чужое.

События в жизни Эндрю и других персонажей переплетаются с наиболее значимыми эпизодами американской истории, особенно Гражданской войны: «32 апреля 1861 года Жена родила девочку — 6 фунтов 6 унций, которую принял доктор Андерклифф, скончавшийся накануне захвата Грантом форта Генри. <...> В Иллинойсе в 1865 г. Рэб сделал свой лучший гроб, тот самый, в который положили Авраама Линкольна» [2. Р. 176]. В последнем же абзаце романа, где конденсируется время, Джонсон приводит Эндрю к пониманию необходимости переделать мир на более разумных началах, где не будет места насилию и дискриминации: «После войны я и Фрутти вместе с нашей дочерью Энн (сохранено все-все) занялись перестройкой мира» [2. Р. 176].

Герой принимает многообразие мира, не сводимое к дихотомиям добра и зла: все живое беспрестанно взаимодействует и перетекает друг в друга. Обретая свое «Я», герой учится растворяться в «другом», и в этом урок Чарльза Джонсона, который, используя каноны «невольничьего повествования», создает увлекательный и оригинальный жанровый гибрид, дважды прерывая его (в главах 8 и 11), чтобы объяснить читателю, зачем он обращается к подобному эксперименту с формой, занявшему тринадцать лет и ставшему, по собственному признанию писателя, его программным произведением.

Литература

1. *TuSmith B.* The Significance of the «Multi» in «Multiethnic Literatures of the US» // MELUS: The Journal of the Society for the Study of the Multi-Ethnic Literature of the United States. Vol. 26, Number 2. Summer 2001. P. 5–14.
2. *Johnson Ch.* Oxherding Tale. New York: Plume, 1995. 176 p.
3. *Ващенко А. В.* Литература афро-американцев в послевоенный период // История литературы США. Т. 4: Литература последней трети XIX в. 1865–1900 (становление реализма) / П. В. Балдицын (отв. ред.), М. М. Коренева. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 933–938.
4. The Norton Anthology of African American Literature / Henry Louis Gates Jr., General Editor, Nellie Y. McKay, General Editor. New York; London: W. W. Norton & Co., 1997. 2665 p.
5. *Удлер И. М.* В рабстве и на свободе : становление и эволюция документально-публицистического жанра «невольничьего повествования» в XVIII–XIX веках. Челябинск: Энциклопедия, 2009. 239 с.
6. *Bagwell O.* Preface // Ch. Johnson, P. Smith, WGBH Series Research Team. Africans in America: America's Journey through Slavery. New York; San Diego; London: Harcourt Brace & Company, 1998. P. VII–XV.
7. *Gates H. L., West C.* The African-American Century: How Black Americans Have Shaped Our Country / H. L. Gates, Jr. and C. West. New York: The Free Press, 2000. 414 p.

Статья поступила в редакцию 18 декабря 2009 г.